

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ЛУИЗЫ ПЕННИ
О СТАРШЕМ ИНСПЕКТОРЕ
АРМАНЕ ГАМАШЕ:

Убийственно тихая жизнь

•

Смертельный холод

•

Самый жестокий месяц

•

Каменный убийца

•

Жестокие слова

•

Хороните своих мертвецов

•

Разные оттенки смерти

ЛУИЗА
ПЕННИ

Убийственно
тихая жизнь

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44
П 25

Louise Penny
STILL LIFE
Copyright © 2005 Louise Penny
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-11047-2

© Г. А. Крылов, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мисс Джейн Нил встретила со своим Создателем ранним воскресным утром, в День благодарения. Это стало для всех большой неожиданностью. Смерть мисс Нил не была естественной, если только не считать, что все происходящее свершается в соответствии с неким планом свыше. Если так, то Джейн Нил на протяжении всех своих семидесяти шести лет шла к этому последнему мгновению, когда смерть настигла ее в великолепном кленовом лесу на окраине деревни Три Сосны. Она упала, раскинув руки и ноги в стороны, словно хотела сделать ангела в ярких шуршащих листьях.

Старший инспектор Арман Гамаш из Квебекской полиции опустился на колени, которые при этом издали звук, похожий на выстрел из охотничьего ружья; его большие выразительные руки замерли над крохотной каплей крови, запятнавшей ворсистый кардиган Джейн, как будто Гамаш хотел, подобно волшебнику, залечить рану и вернуть женщину к жизни. Но это было ему не по силам. Не было у него такого дара. К счастью, он обладал другими талантами. Он наклонился над телом, и в нос ему ударил запах нафталина — запах духов его бабушки. Ласковые и добрые глаза Джейн смотрели на него с удивлением.

А он с удивлением смотрел на нее. Это была его маленькая тайна. Нет-нет, он никогда прежде не видел эту женщину. Дело не в этом. Его маленькая тайна состояла в том, что в пятьдесят пять лет, на вершине долгой и теперь явно застопорившейся карьеры, насильственная смерть все еще продолжала удивлять его. Это было странно для главы отдела по расследованию убийств и, возможно, составляло одну из причин, по которой он не поднялся выше по служебной лестнице в циничном мире полиции. Гамаш всегда надеялся, что кто-то ошибся и никакого мертвого тела нет. Но, глядя на холодеющее тело мисс Нил, ошибиться было нельзя. Поднявшись на ноги с помощью инспектора Бовуара, Гамаш задумчиво застегнул свой перелицованный плащ «Берберри», спасаясь от октябрьского холода.

Несколькими днями раньше у Джейн Нил была дружеская встреча, на которую она опоздала. Она договорилась со своей дорогой подружкой и соседкой Кларой Морроу выпить кофе в деревенском бистро. Клара сидела за столиком у окна и ждала. Терпеливость не относилась к числу ее добродетелей. А *café au lait*¹ вкупе с нетерпением создавало взрывоопасную смесь. Слегка взбудораженная, Клара смотрела через окно на деревенский луг, на старые дома и клены вдоль Общественной улицы. Деревья, приобретающие изумительные оттенки красного и янтарного цвета, были, пожалуй, единственным, что менялось в этой почтенной деревне.

В обрамлении окна Клара увидела, как по рю дю-Мулен движется пикап, из кузова которого безжизненно свешивается голова самки пятнистого оленя. Пикап медленно проехал по Общественной улице, сражая на месте жителей деревни своей добычей. Стоял охотничий сезон,

¹ Кофе с молоком (*фр.*).

и здесь была охотничья территория. Но охотники такого рода приезжали в основном из Монреаля и других городов. Они арендовали пикапы и в поисках оленей разъезжали по грунтовым дорогам на рассвете и в вечерних сумерках, как бегемоты во время кормежки. Увидев оленя, они останавливали машину, выходили из нее и стреляли. Конечно, не все охотники так поступали, но и таких было немало. Вот эти-то удалыцы и считали своим долгом погрузить убитое животное в кузов и проехать по деревне, выставляя напоказ свою великую победу.

Каждый год охотники убивали коров, лошадей, всякую домашнюю живность и даже друг друга. И как это ни невероятно, иногда кое-кто из них стрелял в самого себя, видимо в приступе психоза, принимая себя за отбивную. Умным людям известно, что некоторые охотники — не все, а некоторые — с трудом отличают сосну от куropsатки или человека.

Клара не понимала, что случилось с Джейн. Та опаздывала редко, так что это было простительно для нее. Клара легко прощала большинство человеческих недостатков. Слишком уж легко, как часто ворчал ее муж Питер. Но у Клары была маленькая тайна. На самом деле она далеко не все выбрасывала из головы. Большинство вещей — да, уходили, не оставляя следа. Но некоторые она тайно пестовала и вызывала в те минуты, когда ей требовалось утешение, чтобы забыть невнимательность и грубость других людей.

На экземпляре «Монреаль газетт», лежащем на столе, скопились крошки от круассана. Между крошками виднелись заголовки: «Квебекская партия голосует за проведение референдума о независимости», «Изъятие наркотиков в поселках», «Туристы заблудились в Тремблант-парке».

Клара оторвала глаза от этих мрачных заголовков. Они с Питером давно перестали выписывать монреальские газеты. Неведение и в самом деле оказалось благодастью. Они предпочитали местную «Уильямсбург каунти ньюс», где могли прочесть о корове Уэйна, или о приезде внуков к Гилену, или о лоскутном одеяле, проданном на аукционе для дома престарелых. Время от времени Клара спрашивала себя, уж не прячут ли они голову в песок, не бегут ли от действительности и ответственности. А потом понимала, что ей все равно. К тому же она узнавала все, что ей требовалось, прямо здесь, в бистро Оливье, в центре Трех Сосен.

— До тебя миллион миль, — раздался знакомый и любимый голос.

На лице у Джейн гуляла улыбка, испещренное морщинками смеха лицо порозовело от осенней прохлады и быстрой пробежки из ее дома через деревенский луг.

— Извини, опоздала, — прошептала она на ухо Кларе, когда две подружки обнялись: одна — миниатюрная, пухленькая, слегка запыхавшаяся, другая — на тридцать лет моложе ее, стройная, все еще не отошедшая от действия кофеина. — Ты вся дрожишь, — сказала Джейн. Она села и заказала себе *café au lait*. — Не знала, что ты будешь так волноваться.

— Ах ты, старая карга, — рассмеялась Клара.

— Да, этим утром именно такой я и была. Ты слышала, что произошло?

— Нет, а что? — Клара, жадная до новостей, подалась вперед.

Они с Питером ездили в Монреаль — покупали холсты и краски для работы. Оба были художниками: Питер — успешным, Клара — еще не признанным, и ее друзья подозревали, что она таковой и останется, если будет продолжать в том же непостижимом ключе. Клара не

могла не согласиться с тем, что ее серия маток-воительниц практически потеряна для покупающей публики, а вот ее предметы быта с пышными прическами и громадными ногами имели некоторый успех. Одну картину она продала. Остальные, в количестве приблизительно пятидесяти штук, валялись в подвале, сильно напоминающем студию Уолта Диснея.

— Нет, — сказала искренне потрясенная Клара несколько минут спустя.

За двадцать пять лет, что она прожила в Трех Соснах, ей даже слышать не приходилось ни о каких преступлениях. Единственная причина, по которой двери в домах закрывались, состояла в том, чтобы не дать соседям в период сбора урожая подбросить в дом корзиночки с кабачками. Правда, как было ясно из заголовков в «Газетт», в это время собирали и еще один урожай, масштабами не уступавший кабачкам, — урожай марихуаны. Но те, кто этим не занимался, старались ничего такого и не замечать.

Никаких других преступлений в деревне не случилось. Ни взломов, ни вандализма, ни нападений. В Трех Соснах даже полиции не было. Время от времени Робер Лемье с местными полицейскими проезжал по Общественной улице, чтобы продемонстрировать полицейские значки, но нужды в них не было.

До этого утра.

— Может, это была шутка? — спросила Клара, заставляя себя забыть мерзкую сцену, обрисованную Джейн.

— Да нет, какая там шутка, — сказала Джейн, вспоминая. — Один из мальчишек смеялся. Теперь, когда я об этом думаю, мне кажется, в этом смехе было что-то знакомое. Это такой смех, когда тебе вовсе не смешно. — Джейн посмотрела на Клару своими голубыми глазами. Глазами, полными недоумения. — Я слышала этот звук,

когда учительствовала. Слава богу, не часто. Этот звук производят мальчишки, когда они что-нибудь портят и получают от этого удовольствие. — Ее пробрала дрожь при этом воспоминании, и она поплотнее закуталась в кардиган. — Отвратительный звук. Я рада, что тебя там не было.

Она сказала это в тот момент, когда Клара потянулась через круглый стол темного дерева, взяла маленькую руку Джейн в свою и всем сердцем пожалела, что там оказалась Джейн, а не она.

— Ты говоришь, это были обычные мальчишки?

— На них были такие штуки — лыжные маски, так что я не уверена, но мне кажется, я их узнала.

— И кто же это?

— Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер, — шепотом перечислила Джейн, оглядываясь, не слышит ли кто.

— Ты уверена?

Клара знала всех троих. Их нельзя было назвать примерными бойскаутами, но в подобных вещах они прежде не были замечены.

— Нет, не уверена, — призналась Джейн.

— Лучше тогда никому не говорить.

— Уже поздно.

— Что значит «поздно»?

— Я назвала эти имена сегодня утром, когда все и происходило.

— Назвала их шепотом?

Клара почувствовала, как холодеют кончики пальцев и кровь устремляется внутрь, к самому сердцу. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», — безмолвно взмолилась она.

— Я закричала. — Видя реакцию Клары, Джейн поспешила оправдаться: — Я хотела их остановить — и это подействовало. Они прекратили.

Джейн все еще представляла себе убегающих мальчишек, как они, спотыкаясь, мчатся по Дю-Мулен из деревни. Один, в ярко-зеленой маске, обернулся и посмотрел на нее. С его рук все еще капал утиный помет. Помет, которым осенью удобряли цветочные клумбы на деревенском лугу, и в этот день его еще не успели разнести. Джейн хотела бы увидеть лицо этого мальчика. Он был разозлен? Испуган? Или ему было забавно?

— Значит, ты была права. Я имею в виду их имена.

— Вероятно. Вот уж не думала, что мне доведется такое увидеть.

— Так ты поэтому опоздала? Нужно было привести себя в порядок?

— Да. Вернее, нет.

— Нельзя ли пояснее?

— Пожалуй. Ты ведь состоишь в жюри следующего арт-шоу в Уильямсбурге?

— Да. Встречаемся сегодня днем. Питер тоже в жюри. А что?

Клара даже дышать перестала. Неужели это оно? Неужели Джейн согласилась — после стольких уговоров и мягкого подзуживания, а иногда и не очень мягкого подталкивания?

— Я готова. — Джейн выдохнула с такой силой, что на колени Кларе полетел с газеты целый шквал крошек от круассана. — Я припозднилась, потому что мне нужно было принять решение, — медленно проговорила Джейн, и ее руки начали дрожать. — У меня есть картина, которую я хочу выставить.

Сказав это, она начала плакать.

Искусство Джейн было в Трех Соснах общеизвестной «тайной». Время от времени кто-нибудь, отправившись в лес или в поле, натыкался на нее, сосредоточенную на своем холсте. Но она заставляла такого человека поклясться, что он не будет приближаться, не будет

смотреть, будет отводить глаза, словно стал свидетелем какого-то неприличия, и уж конечно никогда не будет об этом заикаться. Клара видела Джейн сердитой всего один раз — это случилось, когда Габри подошел к ней сзади, а она в этот момент сидела за работой. Он думал, Джейн шутит, когда требует, чтобы никто не смотрел на ее творения.

Он ошибался. Джейн была убийственно серьезна. После того случая прошло несколько месяцев, прежде чем дружеские отношения между ними восстановились. Оба чувствовали себя преданными. Впрочем, их добрые души и взаимная привязанность залечили эту рану. Но случившееся послужило всем уроком.

Никто не должен был видеть творения Джейн.

До этого дня, судя по всему. Но теперь художницу настолько переполняли эмоции, что она не смогла сдерживать слезы. Клара пришла в ужас. Она украдкой огляделась, отчасти в надежде, что их никто не видит, а отчасти с тайной мыслью, что кто-то видит и сумеет помочь. Потом она задала себе простой вопрос, который всегда был при ней и к которому она обращалась как к молитве: что сделала бы на ее месте Джейн? И получила ответ: Джейн позволила бы ей выплакаться всласть. Позволила бы ей швыряться тарелками, будь у нее такая потребность. И Джейн не убежала бы. А по окончании бури она бы обняла Клару, утешила, дала бы ей понять, что она не одна. Что друг всегда рядом. И потому Клара сидела, смотрела и ждала. Она знала эту мучительность бездействия. Понемногу рыдания стихли.

Клара поднялась с преувеличенным спокойствием, обняла Джейн и почувствовала, как старое тело подружки вернулось в свое обычное состояние. Она прочла маленькую благодарственную молитву богам, которые даруют благодать. Благодать слез и благодать сочувствия.

— Джейн, я и не подозревала, что для тебя это так мучительно — демонстрировать свое творение. Прости.

— О нет, дорогая. — Джейн протянула руки через стол и накрыла ими ладони Клары. — Ты не понимаешь. Это не слезы боли. Нет. Меня переполняет радость. — Джейн устремила взгляд куда-то вдаль и кивнула, словно разговаривая сама с собой. — Наконец-то.

— А как она называется, твоя картина?

— «Ярмарочный день». На ней изображено заключительное шествие ярмарки.

И вот в пятницу перед Днем благодарения картину установили на пюпитр в галерее искусств Уильямсбурга. Она была завернута в бумагу из мясницкой лавки и перевязана бечевкой, будто спеленатый ребенок, для защиты от холодной и жестокой стихии. Питер Морроу медленно, методично развязал узелки и потянул бечевку, пока не вытянул всю ее длину. Затем он намотал ее себе на ладонь, как пряжу. Клара готова была убить его. Она готова была завизжать, вскочить со стула, оттолкнуть его в сторону. Бросить этот жалкий моток бечевки на пол, да и самого Питера вместе с ним, сорвать вощепленную бумагу с холста. Лицо ее стало еще спокойнее, хотя глаза начали вылезать из орбит.

Питер аккуратно отогнул бумагу с одного угла, потом с другого, разгладил складки. Клара понятия не имела, что у прямоугольника столько углов. Она чувствовала, как кромка стула врезается ей в ягодицы. Остальные члены жюри, собравшиеся, чтобы вынести свое мнение о поданных картинах, смотрели со скучающим видом. Клара волновалась за всех них.

Наконец все уголки были разглажены и бумага готова к снятию. Питер повернулся к четырем остальным членам жюри и произнес маленькую речь, прежде чем

представить их взорам картину. Он чувствовал, что нужно сказать что-то короткое и изысканное. Немного обрисовать ситуацию, немного... И тут его взгляд упал на багровое лицо жены с выпученными глазами. Питер знал: когда Клара впадает в такое состояние, речей лучше не произносить.

Он тут же повернулся к картине и снял с нее оберточную бумагу, представляя «Ярмарочный день» на суд жюри.

У Клары отвисла челюсть. Голова дернулась и поникла, словно внезапно потеряла опору. Глаза расширились, дыхание остановилось. Она будто умерла на мгновение. Вот, значит, он каков, «Ярмарочный день». Ей нечем было дышать. То же самое, видимо, чувствовали и другие члены жюри. Полукруг лиц выражал различную степень недоумения. Даже председатель, Элиз Джейкоб, хранила молчание. И вообще, выглядела так, будто ее хватил удар.

Клара не любила судить работы других людей, и данный случай был худшим за все время. Она ругала себя последними словами за то, что убедила Джейн представить свое первое творение для публичного показа на суд жюри, в которое входила сама Клара. Что это было — тщеславие? Или обычная глупость?

— Работа называется «Ярмарочный день», — прочла Элиз свои записи. — Представлена Джейн Нил из Трех Сосен. Джейн на протяжении длительного времени поддерживала арт-шоу в Уильямсбурге, но свою работу представляет впервые. — Элиз оглядела присутствующих. — Будут комментарии?

— Это замечательно, — солгала Клара.

Остальные посмотрели на нее с удивлением. На пюпитре стоял холст без рамки, и предмет картины не вызывал сомнения. Лошади были похожи на лошадей,

коровы — на коров, все люди были узнаваемы не только как человеческие существа, но и как конкретные жители деревни. Но все нарисованные фигуры состояли из палочек, кружочков и точек, как будто их нарисовал первобытный художник. Или, по крайней мере, художник, стоящий на одну ступеньку выше первобытного на эволюционной лестнице. В сражении между армией человечков-палочек и этими людьми из «Ярмарочного дня» победили бы люди «Ярмарочного дня», и только потому, что у них имелось чуть больше мышц. И пальцев. Но было ясно, что эти люди существуют всего в двух измерениях. Стараясь понять, на что она смотрит, и пытаясь не делать очевидных сравнений, Клара не могла избавиться от чувства, что перед ней наскальная живопись, перенесенная на холст. Если у неандертальцев были ярмарки, то на одну из них жюри сейчас и взирало.

— Mon Dieu¹. Мой четырехлетний сын нарисует лучше, — сказал Анри Ларивьер, проводя очевидное сравнение.

Анри был рабочим на карьере, а потом в один прекрасный день обнаружил, что камень говорит с ним. И стал слушать. После этого для него уже не было возврата к прежнему, хотя его семейство и тосковало по тем дням, когда он приносил домой пусть и небольшие, но деньги, а не высекал громадные каменные скульптуры. Его лицо сейчас, как всегда, было широким, грубым и непроницаемым, но за него говорили руки. Они были повернуты ладонями вверх в простом и красноречивом жесте недоумения. Ларивьер пытался найти подходящие слова, зная, что Джейн в приятельских отношениях с некоторыми членами жюри. Наконец он прекратил поиски и обратился к истине:

— Это ужасно.

¹ Боже мой (*фр.*).

Но возможно, его определение было слишком мягким в сравнении с тем, что он думал на самом деле.

На полотне Джейн сочными яркими красками было показано шествие перед закрытием ярмарки. Свиньи отличались от коз только своим ярко-красным цветом. Дети походили на низкорослых взрослых. «На самом деле, — подумала Клара, неуверенно подаваясь вперед, словно опасалась, что холст может нанести ей еще один удар, — это даже не дети. Это просто маленькие взрослые». Она узнала Оливье и Габри, которые вели голубых кроликов. С трибун за шествием наблюдали люди, многие из них были изображены в профиль, они смотрели друг на друга или в противоположные стороны. Некоторые — таких было не много — смотрели на Клару. На всех щеках красовались идеально ровные красные круги, которые, видимо, должны были означать здоровый румянец. Это было ужасно.

— Ну, по крайней мере, тут все ясно, — сказала Айрини Кальфа. — Отклонено.

Клара почувствовала, как у нее онемели и похолодели конечности.

Айрини Кальфа была гончаром. Она брала комки глины и превращала их в изящные изделия. Она изобрела новый способ глазировки, и теперь гончары со всего мира искали с ней знакомства. Но конечно, совершив паломничество в студию Айрини Кальфа в Сен-Реми и проведя пять минут с «богиней глины», они понимали, что сделали ошибку. Она была одним из самых поглощенных собой и мелочных людей на лике планеты.

Клара не могла понять, как человек, начисто лишенный обычных человеческих эмоций, способен создавать такие прекрасные вещи. «Тогда как сама ты тщетно бьешься, как рыба об лед», — говорил тоненький голосок в ее голове.

Поверх своей кружки она бросила взгляд в сторону Питера. У него к щеке прилипла шоколадная крошка, и Клара инстинктивно отерла собственное лицо, при этом случайно запачкала волосы грецким орехом. Даже с этим шоколадным мазком на лице Питер притягивал внимание. Он обладал классической красотой. Высокий, широкоплечий, как лесоруб, а не как тонкий художник, каким он был. Его волнистые волосы поседели, в уголках глаз и на чисто выбритом лице появились морщинки, а очки он теперь носил постоянно. В свои пятьдесят с небольшим он выглядел как бизнесмен, пустившийся в рискованное предприятие. По утрам Клара часто просыпалась и смотрела на него, спящего, и ей хотелось пробраться ему под кожу, свернуться вокруг его сердца и защитить его.

Голова Клары действовала как магнит для всякой еды. Она была Кармен Мирандой¹ для всяких печеных изделий. Питер же был безукоризненным. Он мог бы попасть под грязевой поток и вернуться домой более чистым, чем вышел. Но иногда — очень редко и потому особенно заметно — его естественная аура изменяла ему и что-нибудь прилипало к его лицу. Клара знала, что нужно бы ему сказать. Но не сказала.

— А вы знаете, — произнес Питер, и даже Айрини посмотрела на него, — по-моему, это здорово.

Айрини фыркнула и бросила многозначительный взгляд на Анри, но тот проигнорировал ее. Питер нашел взглядом Клару и на несколько мгновений задержался на ней, проверяя свои ощущения. Когда Питер входил в комнату, он всегда обводил ее взглядом, пока не находил Клару. И тогда он успокаивался. Внешний мир

¹ *Кармен Миранда* (1909–1955) — бразильская певица и танцовщица, известна своими экзотическими костюмами и шляпками с муляжами фруктов.

видел высокого, значительного человека и его растрепанную жену и спрашивал, почему они вместе. Некоторые, и в первую очередь мать Питера, даже считали этот брак преступлением против природы. Клара была его центром жизни, воплощением всего хорошего, здорового, счастливого вокруг него. Глядя на нее, он не видел непокорных, растрепанных волос, помятых платьев, дешевых очков в роговой оправе. Нет, он видел в ней свою безопасную гавань. Но в данный момент он увидел также кусочек грецкого ореха в ее волосах, что было весьма характерным знаком. Он инстинктивно поднес руку к собственным волосам и смахнул шоколадную крошку со щеки.

— Что вы видите? — спросила Элиз у Питера.

— Если честно, не знаю. Но я знаю, что мы должны принять эту работу.

Этот короткий ответ придал его мнению даже больше весомости.

— Это рискованно, — заметила Элиз.

— Согласно, — сказала Клара. — Но что самое худшее может случиться? Люди, пришедшие на выставку, подумают, что мы совершили ошибку? Так они всегда это думают.

Элиз согласно кивнула.

— Я скажу вам, в чем риск, — произнесла Айрини с интонацией, подразумевающей «вам, идиотам». — Мы живем за счет сообщества и едва сводим концы с концами. Единственная наша ценность — это доверие к нам. Если вдруг появится мнение, что мы принимаем работы, основываясь не на их реальных достоинствах, а потому, что мы — группа приятелей и нам нравится художник, тут нам и конец. Вот в чем риск. Никто не будет относиться к нам серьезно. Художники откажутся представлять свои работы из опасения, что и их репутация будет подмочена. Люди перестанут приходить, потому что бу-

дут знать: здесь они увидят дерьмо вроде... — Она замолчала, как будто ей не хватило слов, и просто показала на холст.

И тут Клара увидела это. Некую искру, вспыхнувшую на периферии ее сознания. На одно мгновение «Ярмарочный день» засверкал. Отдельные части сложились воедино, потом этот миг прошел. Клара поняла, что задерживает дыхание, но еще она поняла, что перед ней великое произведение. Она, как и Питер, не могла объяснить почему, но в это мгновение мир, казавшийся перевернутым, встал на свое место. Ей стало ясно, что «Ярмарочный день» — выдающаяся работа.

— Я думаю, это не просто хорошая работа. Я думаю, это блестящая работа, — сказала она.

— Да бога ради. Вы что, не видите — она говорит это, чтобы поддержать мужа?

— Айрины, мы слышали ваше мнение. Продолжайте, Клара, — сказала Элиз.

Анри подался вперед, стул под ним застонал.

Клара встала и медленно подошла к полотну на пюпитре. Оно тронуло ее таким чувством утраты и печали, что она едва сдержалась, чтобы не расплакаться. Как такое возможно? — спрашивала она себя. Изображения были такие детские, такие примитивные. Почти глупые — с танцующими гусями и улыбающимися людьми. Но здесь было что-то еще. Что-то лежащее за пределами ее понимания.

— Я прошу прощения. Это так неловко, — сказала она, чувствуя, как горят ее щеки, — но я не могу это объяснить.

— Давайте отложим «Ярмарочный день» в сторону и вернемся к нему, когда посмотрим другие работы.

Остальная часть собрания прошла гладко. Солнце садилось, и, когда они вернулись к «Ярмарочному дню», в комнате стало еще холоднее, чем вначале.

Питер включил свет и водрузил работу Джейн на попир.

— D'accord¹. У кого-нибудь изменилось мнение касательно «Ярмарочного дня»? — спросила Элиз.

Молчание.

— Значит, двое за то, чтобы принять, и двое против.

Элиз спокойным взглядом посмотрела на «Ярмарочный день». Она шапочно была знакома с Джейн Нил, и ей нравилось то, что она видела. Джейн всегда казалась Элиз благоразумной, доброй и мыслящей женщиной. Человеком, с которым приятно проводить время. Почему же она создала такую неряшливую, детскую вещь? Но... И тут новая мысль пришла ей в голову. Не то чтобы слишком оригинальная или новая для самой Элиз, но новая сегодня.

— «Ярмарочный день» принят. Он будет демонстрироваться вместе с другими работами.

Клара радостно подпрыгнула, опрокинув стул.

— Да бросьте вы, — сказала Айрини.

— Все правильно. Прекрасная работа. Вы обе подтвердили мою точку зрения. — Элиз улыбнулась.

— Какую точку зрения?

— По какой-то причине «Ярмарочный день» задевает нас. Он нас трогает. Вызывает у нас гнев, — сказала Элиз, отдавая дань справедливости словам Айрини. — Вызывает недоумение... — Короткий, но многозначительный взгляд на Анри, который кивнул сидящей головой. — Вызывает... — Взгляд в сторону Питера и Клары.

— Радость, — откликнулся Питер в тот самый момент, когда Клара произнесла:

— Печаль.

Они переглянулись и рассмеялись.

¹ Ну хорошо (*фр.*).

— Так вот, я смотрю на картину и чувствую то же, что и Анри, — обычное недоумение. Но все дело в том, что я не в силах определить, то ли это блестящий пример наивного искусства, то ли никчемные каракули совершенно бездарной, выжившей из ума старой женщины. Вот в чем противоречие. И вот почему картина должна быть выставлена. Могу гарантировать, что именно об этой работе люди будут больше всего говорить в кафе после вернисажа.

— Отвратительно, — сказала Рут Зардо позднее тем вечером, опершись на трость и отхлебнув виски.

Друзья Питера и Клары собрались в их гостиной у потрескивающего камина на обед в канун Дня благодарения.

Это было затишье перед боем. Завтра понаедут родня и друзья и наверняка задержатся на весь долгий уик-энд Дня благодарения. В лесу будет полно туристов и охотников — не самое удачное сочетание. На деревенском лугу в субботу утром будет проведен ежегодный матч по тачболу¹, а после него будет устроен овощной рынок — последнее отчаянное усилие распродать томаты и кабачки. Вечером разведут костер, и Три Сосны наполнятся великолепным запахом горящих листьев и дерева с подозрительными оттенками гаспачо.

Три Сосны не были обозначены на туристских картах, потому что деревня находилась слишком далеко от магистральных и даже второстепенных дорог. Как и Нарнию², ее обычно обнаруживали неожиданно и удивлялись, что такая старая деревня все это время пряталась здесь, в долине. Тот, кому повезло попасть в Три Сосны

¹ *Тачбол* (от touch-football) — упрощенный вид американского футбола.

² *Нарния* — волшебная страна из цикла сказок Клайва Льюиса «Хроники Нарнии».

один раз, обычно возвращался сюда. И День благодарения в начале октября был для этого идеальным временем. Погода, как правило, в это время стояла ясная, чуть морозная, летние ароматы старых садовых роз и флоксов замещались терпким запахом осенних листьев, дыма костров и жареной индейки.

Оливье и Габри пересказывали события сегодняшнего утра. Их описание было таким ярким, что все в уютной гостиной живо представили себе трех мальчишек в лыжных масках, набирающих полные горсти утиного помета на краю деревенского луга. Мальчишки подняли руки, помет просачивался у них между пальцами, и тут они принялись швырять его в старое кирпичное здание. Вскоре на белых и голубых навесах с надписью «Кампарри» появились грязные потеки, коричневатая жижа потекла по стенам. Вывеска «Бистро» оказалась вся заляпаная. За несколько мгновений безупречно чистый фасад кафе в самом центре деревни Три Сосны стал грязным, и не только от утиного помета. Деревню осквернили наполнившие воздух слова «Пидоры! Гомосеки! Dégue-lassé!», выкрикиваемые мальчишками в масках.

Слушая Оливье и Габри, Джейн вспоминала, как вышла из своего маленького каменного коттеджа по другую сторону луга и поспешила к бистро, из которого появились Оливье и Габри. Мальчишки удовлетворенно вскричали и принялись — небезуспешно — целиться в двух мужчин.

Джейн ускорила шаг, жалея, что ноги у нее полные, а не длинные. И тут она увидела, как Оливье сделал нечто совершенно необычное. Пока мальчишки кричали, продолжая кидаться пометом, Оливье медленно, обдуманно, мягко взял руку Габри, немного подержал ее, а потом элегантно поднес к губам. Мальчишки застыли на месте, глядя, как Оливье губами, испачканными поме-

том, целует испачканную пометом руку Габри. Мальчишек этот акт любви и вызова ошеломил. Но всего лишь на несколько секунд. Их ненависть восторжествовала, и они удвоили усилия.

«А ну, прекратите это!» — твердо сказала Джейн.

Руки замерли в полужамахе, инстинктивно реагируя на властный голос. Все трое как один повернулись и увидели маленькую Джейн Нил в платье в цветочек. Она строго смотрела на них. Один из мальчишек в оранжевой маске завел было руку, чтобы швырнуть пометом в нее.

«Только посмейте, молодой человек!»

Он помедлил, и Джейн хватило этого времени, чтобы заглянуть в глаза каждому из них.

«Филипп Крофт, Гас Хеннесси и Клод Лапьер», — медленно и четко проговорила она.

И это остановило их. Они побросали помет и побежали мимо Джейн вверх по холму. Тот, на котором была оранжевая маска, рассмеялся. Звук был такой грязный — превосходил даже помет. Один из парней повернулся и посмотрел назад, а другие врезались в него и поволокли дальше вверх по Дю-Мулен.

Случилось это сегодня утром, а уже казалось похожим на сон.

— Это было отвратительно, — сказал Габри, соглашаясь с Рут. Он сел в одно из старых кресел, обивка которого набралась тепла из камина. — Они, конечно, были правы. Я действительно гей.

— И, — подхватил Оливье, присаживаясь на подлокотник кресла Габри, — довольно гомосексуальный.

— Я стал одним из самых впечатляющих гомосексуалов Квебека, — сказал Габри, перефразируя Квентина Криспа¹. — От моих взглядов дух захватывает.

¹ *Квентин Крисп* (1908–1999) — английский писатель и актер, «гей-икона» своего времени.

Оливье рассмеялся, а Рут подбросила в огонь еще одно полено.

— Ты и в самом деле выглядел очень впечатляюще сегодня утром, — сказал Бен Хадли, лучший друг Питера.

— Неужели как настоящий землевладелец?

— Скорее как обитатель медвежьего угла.

В кухне Клара встретила Мирну Ландерс.

— Стол выглядит замечательно, — сказала Мирна, стягивая с себя куртку, под которой оказалась яркая фиолетовая кофта, и Клара удивилась, как это Мирне удалось протиснуться в дверь.

Гостья принесла свой вклад в вечернее застолье — цветочную композицию.

— Куда это поставить, детка?

Клара вытаращилась на цветы. Как и сама Мирна, ее букеты были громадными, пышными и неожиданными. В этой композиции присутствовали кленовые и дубовые ветки, тростник с речушки Белла-Беллы, протекавшей за книжной лавкой Мирны, яблочные ветви, на которых еще оставалось несколько яблок, и большие пучки трав.

— Это что?

— Где?

— Вот здесь, в середине композиции.

— Колбаса.

— Обычная колбаса?

— Угу, а посмотри-ка вот сюда... — Мирна ткнула пальцем в переплетение стеблей.

— «Избранные сочинения У. Х. Одена¹», — прочла Клара. — Ты шутишь.

— Это для мальчиков.

¹ Уистен Хью Оден (1907–1973) — англо-американский поэт.

Пенни Л.

П 25 Убийственно тихая жизнь : роман / Луиза Пенни ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-11047-2

Блестящий детективный сериал, покоривший весь мир! Премии «John Creasy New Bloody Dagger», «Arthur Ellis Award», «Anthony Award», «Dilys Award», «Barry Award»!

Роман «Убийственно тихая жизнь» открывает серию расследований блистательного старшего инспектора Армана Гамаша — персонажа, созданного пером Луизы Пенни, ставшей единственным в мире пятикратным лауреатом премии Агаты Кристи.

Старший инспектор Арман Гамаш из полиции Квебека приступает к расследованию подозрительной смерти в деревне Три Сосны, что к югу от Монреаля. Тело Джейн Нил, бывшей учительницы, которая пользовалась всеобщей любовью и уважением, найдено в лесу на окраине деревни. Смерть наступила в результате выстрела из лука. Местные жители уверены, что это несчастный случай на охоте, но у Гамаша возникает смутное предчувствие, что не все здесь так очевидно. И искать нужно не незадачливого стрелка, а безжалостного убийцу...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА ПЕННИ
УБИЙСТВЕННО ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 08.04.2019.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 16,92. Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-19877-86-R